

УДК 291

<https://doi.org/10.26516/2073-3380.2023.43.91>

Храмовая архитектура и религиозная антропология

Д. А. Бегчин*

*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва,
Российская Федерация*

Аннотация. Обосновываются возможности и определяются перспективы использования знаний о храмовой архитектуре в исследованиях по религиозной антропологии. В области религиозной антропологии за основу берется религиозно-антропологическая модель К. И. Никонова, а за основу понимания храмовых сооружений – принципы «герменевтики сакральной архитектуры» Линдсея Джонса и теоретический аппарат теменологии Анри Корбена. Исследуется понимание сакрального пространства и сакральной архитектуры как самопонимание на уровне ритуальных практик, локальных культурных традиций и универсальных структур религиозного и мифологического сознания. Демонстрируется, что идеи, воплощенные в ритуальном зодчестве, не только способствуют реконструкции истории религиозных учений о человеке, но и помогают углубить философское и религиозноведческое знание сущностных особенностей, происхождения, развития, структуры и основных аспектов понимания верующими людьми самих себя.

Ключевые слова: религиозная антропология, сакральная архитектура, сакральное пространство, храм, теменология, *imago hominis*.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 22-28-01668 «Комплексное исследование сакрального пространства старожилов Енисейского Севера: механизм сохранения и развития (на основе междисциплинарного исследования памятников истории и архитектуры)».

Для цитирования: Бегчин Д. А. Храмовая архитектура и религиозная антропология // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2023. Т. 43. С. 91–101. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2023.43.91>

Original article

Temple Architecture and Religious Anthropology

D. A. Begchin

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Abstract. This article substantiates the possibility of using the material of temple architecture in studies of religious perceptions of man. In studying the religious teachings of man, we rely on the religious anthropology of K. I. Nikonov. We also used the methodology of L. Jones's "hermeneutics of sacred architecture" and A. Corben's temenology to study temple structures and sacred spaces. Our approach allowed us to explore believers' understanding of temple architecture as a self-understanding. It has been shown that temple architecture can be used to reconstruct the history of religious teachings on man, as well as to deepen philosophical knowledge of the essence, structure, and basic aspects of believers' understanding of themselves.

Keywords: religious anthropology, sacred architecture, sacred space, temple, temenology, *imago hominis*.

Acknowledgments. The reported study was funded by Russian Science Foundation, Project No. 22-28-01668 "Comprehensive study of the sacred space of the old-timers of the Yenisei North: a mechanism for preservation and development (based on an interdisciplinary study of historical and architectural monuments)".

For citation: Begchin D. A. Temple Architecture and Religious Anthropology. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*. 2023, vol. 43, pp. 91-101. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2023.43.91> (in Russian)

Объектом настоящего исследования выступают религиозные представления человека о самом себе, а предметом – храмовые строения народов мира. В качестве теоретического подхода к исследованию была избрана философская герменевтика, конкретизированная в инструментарии двух направлений религиоведческих исследований – герменевтики сакральной архитектуры и теменологии. Обоснованием самой возможности, а также определением перспектив использования архитектурного материала для приращения знаний по религиозной антропологии обусловлена актуальность и новизна данной работы. Вместе с тем, на наш взгляд, решение поставленных задач позволит в значительной степени обогатить и систематизировать религиоведческое понимание истории и сущности сакральной архитектуры и в целом сакрального пространства.

Храмовая архитектура в фокусе внимания религиозной антропологии

В определении религиозной антропологии мы следуем за отечественным религиоведом К. И. Никоновым [10] – его теории выступают предметом дискуссий, активно развиваются и применяются в современных религиоведческих исследованиях, что говорит об их актуальности [7, с. 18–38]. Религиозная антропология для философа – это входящая в состав философии религии и теоретического религиоведения теория самопонимания человека в истории религий всего мира. Ключевым моментом религиозной антропологии в религиозно-антропологической модели К. И. Никонова и его учеников является теория «традиционных аспектов религиозной антропологии» [7, с. 18–38; 10]. Согласно этой теории все множество религиозных учений и представлений о человеке может быть упорядочено и приведено в систему в соответствии с четырьмя измерениями:

1) протологическим измерением (например, антропогонические мифы). По сути своей это измерение объяснительное, включает религиозные представления о происхождении человека или человеческого сообщества;

2) психосоматическим измерением – описательным, так как включает религиозное понимание структуры, состава, строения и свойств человеческого естества (например, представления о наличии у человека тела и души);

3) аксиологическим измерением, по определению оценочным, нормативным и практическим, оно включает религиозное понимание правильного и неправильного, хорошего и плохого в жизни и поведении людей (например, все религиозно-этические учения);

4) эсхатологическим измерением, являющимся прогностическим, поскольку включает представления о конечной судьбе человека или человеческого сообщества (например, представления о жизни после смерти или о конце света).

В определении религиоведческой специфики изучения архитектурных объектов мы следуем за американским религиоведом Линдсеем Джонсом [27; 28]. Его подход основывается на философской герменевтике Ханса-Георга Гадамера и предполагает, что бытие архитектурного сооружения – это его понимание зрителем, в частности верующим человеком, который с ним ритуально взаимодействует. Для религиоведа архитектурные сооружения представляют материал, про-

ливающий свет на особенности мышления и опыта верующих людей. Если данный подход экстраполировать на область религиозной антропологии, то из особенностей понимания архитектурных сооружений можно будет извлечь те или иные характеристики самопонимания верующих, осмыслить их понимание храмовой архитектуры в оптике самопонимания.

Возможность такой экстраполяции допустимо обосновывать, на наш взгляд, в рамках теменологического подхода. Теменология – это философское и религиозно-ведческое учение о храме. Теменологический подход развивается в трудах французского философа Анри Корбена [8] и ряда отечественных ученых [3; 12; 13; 16]. Центральным понятием в теменологии является *imago templi* – одновременно идеальная, образная и понятийная конфигурация (архетип) любого сакрального пространства или ритуального монумента. Ритуальное взаимодействие с архитектурой с точки зрения теменологии означает взаимодействие с *imago templi*, его рациональное, имагинативное и интеллигибельное постижение.

Религиозно-антропологическая модель К. И. Никонова предполагает, что в основе всех религиозных учений и представлений о человеке лежит разрыв между реальным и идеальным, сущим и должным. В этом рассматриваемая модель смыкается с другой концепцией, согласно которой сущность религиозной антропологии, т. е. сущность религиозных учений и представлений о человеке, заключается в понимании идеальной конфигурации человека – идеи, образа и понятия «совершенного человека» [11]. Для обозначения этой идеальной конфигурации, по нашему мнению, релевантен термин *imago hominis* (по аналогии с активно используемыми в религиоведении, имагологии и теменологии понятиями *imago mundi*, *imago animae*, *imago terrae*, *imago paradisi*, *imago templi* и т. д.). На наш взгляд, данная концепция может обогатить религиозно-антропологическую модель К. И. Никонова и наполнить новым смыслом «традиционные аспекты религиозной антропологии»: *imago hominis* является прообразом любого реального человека (протологическое измерение); качества *imago hominis* в той или иной степени характерны для любого человека (психосоматическое измерение); *imago hominis* является высшей ценностью, а следовательно, образцом для подражания (аксиологическое измерение); *imago hominis* – это образ вневременного существования человека (эсхатологическое измерение).

Любое сакральное пространство характеризуется субординацией и коммуникацией (*axis mundi*) качественно различных уровней бытия [19, с. 260–282; 26]. Переход между уровнями характеризуется сменой установки сознания, когда участник ритуала вместо разобщенных фрагментов окружающей действительности (в частности, элементов архитектурного интерьера и экстерьера) обнаруживает целостный и неизменный образ. Если пространственная фрагментированность и временная изменчивость – качества окружающего мира, то по мере обнаружения в мире (в нашем случае – в храмовом пространстве) целостности и постоянства все более очевидным будет внутреннее единство сознания участника ритуала и его окружения: верующий начинает воспринимать и осознавать храмовую среду как часть своего собственного внутреннего мира, целостного, неподвижного, идеального внутреннего Я [2, с. 17–26; 8, с. 138–139; 14, с. 114].

И если обряд – это движение к центру мира, то именно здесь, в ритуальном пространстве, происходит сопряжение *imago templi*, *imago mundi* и *imago hominis*.

По тому же принципу, например, во время медитации происходит отождествление внутреннего мира буддиста и мандалы [8, с. 138–139; 20, с. 209–211]. Уточним, речь идет о философской герменевтике, для которой не имеет значения классическая субъект-объектная дихотомия новоевропейской науки, т. е. говорится не о научном методе в классическом смысле. С этой позиции восприятие и ритуальное освоение архитектурных сооружений – будь то игра, событие, созерцание, воображение или медитация – первично по отношению и к тому, кто понимает, и к тому, что понимается, история и того, и другого происходит, свершается, разыгрывается в понимании. А. Корбен выражает эту мысль в краткой формуле: «Созерцание, созерцающий и Храм едины» [8, с. 389].

С учетом обозначенных исходных позиций в качестве предмета разговора в русле религиозной антропологии допустимо избрать храмовую архитектуру. Тогда изучению будут подлежать образ, идея и понятие храма (*imago templi*), сопряженные в умах верующих людей с образом, идеей и понятием «совершенного человека» (*imago hominis*). Значительные усилия в таком направлении исследований уже были предприняты разными учеными. Из западных исследований необходимо выделить книгу египтолога Рене А. Шваллера де Любича «Храм человека» [31], в отечественной науке данные темы развивает искусствовед Ш. М. Шукуров [14; 15, с. 47–57; 16; 17]. В задачи же настоящего исследования входит систематизация полученных ранее результатов и определение основных направлений дальнейшей разработки темы. Для реализации этих задач в качестве ключевой избирается теория традиционных аспектов религиозной антропологии.

Храмовая архитектура и традиционные аспекты религиозной антропологии

Избранный нами подход предполагает, что любое храмовое сооружение вплетено в историко-культурный нарратив, а его бытие слагается из множества сопряжений (образных, понятийных и смысловых связей, ассоциаций, наложений, смещений, параллелей), не ограниченных одной локальной религиозной культурой, но отсылающих к универсальным религиозным и мифологическим представлениям. С точки зрения религиозной антропологии ядром всех этих сопряжений является комплекс религиозных представлений о человеке (*imago hominis*), которые могут быть систематизированы в соответствии с четырьмя вышеописанными измерениями.

Протологическое измерение. *Imago templi* как идеальный прообраз человека

Если храмовую архитектуру понимать как атрибут ритуальной активности, то ее роль может быть определена как пространственная реконструкция (в то время как ритуал – это временная реконструкция) некоторого состояния, характеризующегося отсутствием онтологического (в смысле Мартина Хайдеггера) разрыва между сознанием человека и мира [6]. Этому состоянию в религии соответствует «мифологическое время» (о котором много писал Мирча Элиаде [19; 21; 22]), в связи с чем саму храмовую архитектуру можно определить как «миф в камне» [3].

Возникновение сакральных пространств часто связывается с развитием культа предков и представлений о смерти [33]. В древних религиях сакральные пространства в форме гробниц и некрополей служили напоминанием об истории сообщества за счет ассоциации со множеством мифологических и легендарных

рассказов о предшествующих поколениях людей или богов. Взаимодействие с такими пространствами воспринималось как взаимодействие с живой (одушевленной) историей и предполагало выполнение множества жертвоприношений, от которых, как представлялось, зависело актуальное положение дел в мире и обществе.

Более развитые формы сакральных пространств, такие как святилища или храмовые комплексы, сохраняют данный мотив, ассоциируясь с действиями людей, почитаемых в качестве святых, – основателей или выдающихся представителей религии, мучеников, апологетов, миссионеров, реформаторов. Переходя в область религиозного мышления (мифологического, религиозно-философского, теологического, эзотерического), можно обнаружить, что универсальным значением ритуальных монументов в протологическом измерении является антропокосмическое учение о происхождении мира и его последующем инволюционном развитии из тела первочеловека (макроантропоса) [2, с. 21–24; 9, с. 83–86; 25]. Если же далее сакральное пространство понимать как систему координат ритуальной активности, то ритуальное движение к сакральному центру храма будет представлять собой движение к началу священной истории с последующим воспроизведением акта творения через жертвоприношение. Такое измерение сакрального пространства раскрывается в религиозном понимании строительства как духовной практики: на символическом уровне оно сопряжено с сотворением мира, его последовательным расширением, членением и ориентированием [2, с. 11–103; 9, с. 60–61; 21] и, что немаловажно, с оправданием, т. е. теодицеей [14, с. 16–17].

Психосоматическое измерение. *Imago templi* как идеальная конфигурация человека

Общепризнанным является факт одушевления священных строений в религиозном сознании, в том числе и в современном мире. Наполняя городские и природные ландшафты присутствием, т. е. деятельностью, активностью и почти скульптурной телесностью [32] сакрального (предков, святых, божеств или богов), архитектурные строения не только становятся субъектами коммуникации, но и вместе с тем включаются в процессы религиозной идентификации и самоидентификации через отождествление с религиозным сообществом (своим или чужим) [30]. В основе такого отождествления лежит целый ряд ассоциаций конкретного сооружения с действиями богов или святых, с их именами и качествами, а также с людьми, имеющими к ним более или менее опосредованное отношение, – с выдающимися представителями религии, со служителями локального культа, со всей структурой религиозного сообщества. Антропоморфные черты храмового строения могут быть и весьма абстрактными. Так, если в христианстве храмовое строение ассоциируется с конкретным культовым образом распятого Иисуса Христа, то в исламе – с абстрактным образом молящегося человека [14, с. 205–211; 17, с. 34–39].

Одушевленность храмового строения обладает противоречивым характером, храм воспринимается и как небесное, и как земное, и как божественное, и как человеческое, и как идеальное, и как материальное [1, с. 226–246]. Причиной тому является антиномичность самого сакрального пространства как иерофании [19, с. 260–282]: оно одновременно призвано и раскрывать, и утаивать сакральное, и устанавливать, и ограничивать связь с ним [26]. Противоречие снимается в ри-

туале, который в феноменологии религии описывается как *coincidentia oppositorum* [23] и в антропологическом измерении означает соединение храма и человека, макрокосма (макроантропоса) и микрокосма (микроантропоса) [2, с. 19–41; 3, с. 308–335; 8, с. 138–139; 12, с. 5–24].

Отсюда известное в истории религиозно-философской и теологической мысли метафорическое отождествление человека, его души или целого религиозного сообщества с храмом (это одна из ключевых проблем теменологии [8; 16]). В сакральной архитектуре данное явление выражается через символическое соединение оппонирующих друг другу, находящихся в напряжении антропометрических характеристик (духовное и телесное, мужское и женское, активное и пассивное), выраженных посредством космологических, геометрических или алхимических образов (неба и земли, пещеры и горы, круга и квадрата, смерти и рождения) [2, с. 19–41; 4, с. 267–269; 9; 12, с. 201–310; 18, с. 114–117; 22, с. 207; 24, с. 551–559].

Аксиологическое измерение. *Imago templi* как идеальная конфигурация высшей ценности

Как объекты, имеющие непосредственное отношение к культу и его наиболее священным предметам, храмовые строения в религиозном сознании всегда наделялись особой ценностью и, как следствие, требовали от человека трепетного отношения, преклонения. Это воплотилось в системах табу и нормах чистоты для всех рангов людей, вступающих во взаимодействие с сакральным пространством, прежде всего для профессиональных служителей культа. В религиозном сознании этот мотив связан с идеей попечения о храме и его защиты [14, с. 64–74], что нашло отражение не только в существовании правил поведения (особого этикета) в сакральном пространстве, но и в распространенном эзотерическом учении о храмовом рыцарстве, о защитниках храма и его святыни (орден тамплиеров и его метафизический смысл – сквозная линия теменологии А. Корбена [8]).

Сакральное пространство может быть представлено как иерархическая структура, репрезентирующая социальное устройство: в соответствии со степенью приближения к сакральному центру (предмету наивысшей ценности) выстраивается вся шкала оценок религиозного и религиозно-политического социального положения – ответственности, значимости, власти человека или группы людей [29]. Сакральные сооружения воплощают данную иерархию на уровне ритуальной среды, упорядочивая сакральные знаки и символы – элементы храмового экстерьера и интерьера, ассоциирующиеся с социальным устройством сообщества [3, с. 308–335; 4, с. 73–75]. То же происходит на уровне сред обитания (городских и сельских), в которых ценность (святость и власть) людей или групп, занимающих определенные пространственные ниши, подчеркивается за счет формальных (размера, аскетизма или, наоборот, роскоши декоративного убранства) или топографических и географических характеристик сакральных сооружений, их положения в пространстве относительно других значимых объектов (об этом много писал и размышлял И. А. Бондаренко [1]). В качестве воплощения иерархической структуры сакрального пространства храмовая архитектура проливает свет на еще один универсальный мотив религиозного и мифологического сознания – паломничества как практики духовного совершенствования и религиозно-этической нормы [14, с. 64–67; 17, с. 115–118].

Эсхатологическое измерение. *Imago templi* как идеальный образ вневременного существования человека

Эсхатологическое измерение религиозной антропологии в некотором смысле противоположно протологическому. Сущностная связь сакрального пространства со смертью, мифологическим временем и пространством делает наглядным, осязаемым и доступным не только прошлое, но и возможное будущее: сакральное пространство дает пример посмертного, вневременного существования, конечной точки исторической эволюции и духовного совершенствования человека, человеческого общества и мира. Храмовая архитектура включается в это эсхатологическое измерение, формируя архитектурную утопию [5, с. 3–11], она воплощает в своих формах образ рая – *imago paradisi* [2, с. 17–19; 14, с. 61–89]. Эта тема также является особо актуальной для теменологии (и осмысливается в раннехристианской теологии как минимум со времен написания Аврелием Августином трактата «О граде Божием»).

Согласно А. Корбену, любой религиозный опыт – это опыт, протекающий в координатах «литургического», или сакрального, времени, т. е. опыт свершенной эсхатологии. Этот опыт возможен только в ритуале, так как ритуал – это и есть суть иерофании: воспроизведение сакральных образцов, совершаемых *in illo tempore* (в начале времен или вечно [19, с. 289–296]).

Но если представлять идеальный прообраз ритуала как схематичный набор действий, совершенных абстрактными существами в абстрактном мифологическом времени, смысл любого его воспроизведения (в том числе художественного) теряется: понятие или категория должны соотноситься и отождествляться с конкретным образом, что происходит в мифологическом и религиозном сознании (например, соотнесение категории рода с тотемическим животным). Иначе их воплощение будет случайным и необязательным. Чтобы ритуал имел смысл, его вечный прообраз должен быть воспринимаем непосредственно – как вечность, совершающаяся здесь и сейчас. Он должен быть созерцаем. И именно здесь вскрывается вся важность *imago templi* для религии, так как увидеть вечный ритуал – значит увидеть и его место, коим могут быть небеса, весь мир, Престол, Град, Дом и т. д. и т. п. – все это различные проявления *imago templi*, без которых невозможно ни сакральное пространство, ни сакральное время, ни, более того, религиозная антропология. Сакральное пространство А. Корбен вообще характеризует как «пространство созерцания», а храм – как «орган созерцания», из чего следует, что созерцать, т. е. испытывать религиозный, визионерский, мистический, ритуальный опыт, – значит быть «человеком-храмом» [8, с. 389].

Выводы

Материал храмовой архитектуры может быть использован в исследованиях по религиозной антропологии. Такая возможность открывается благодаря философской герменевтике, в частности герменевтике сакральной архитектуры Л. Джонса и теменологии А. Корбена. В свете этих подходов одним из аспектов имажинативного, ителлигибельного и рационального понимания верующими людьми храмовых строений является самопонимание: в сознании верующих имеет место ряд сопряжений (образных, понятийных и смысловых связей, ассоциаций, наложений, смешений и параллелей) между храмовыми строениями и религиозными представлениями о человеке, между идеальными конфигурациями

храма (*imago mundi*) и человека (*imago hominis*). Таким образом, теменологические описание и осмысление храмовой архитектуры не только должны быть учтены при реконструкции истории религиозных учений о человеке в различных локальных исторических и культурных традициях, они могут углубить философское и религиоведческое знание сущностных особенностей, происхождения, развития, структуры и основных аспектов понимания верующими людьми самих себя на уровне магического, мифологического, художественного и религиозного сознания.

Проведенное исследование позволяет сконструировать *религиозно-антропологическую модель сакрального пространства*. Основу модели составляет философская теория сакрального пространства (иеротопика – в терминах И. П. Давыдова [3]), обогащенная концепцией «традиционных аспектов религиозной антропологии» К. И. Никонова. Если сакральное пространство – это система координат ритуальной активности, характеризующаяся наличием абсолютного центра («оси мира», *axis mundi*) и периферии (оболочек, границ), то ритуал как движение к абсолютному центру может быть понят в четырех измерениях: 1) протологическом; 2) психосоматическом; 3) аксиологическом; 4) эсхатологическом.

Схематично данная модель представлена на рис.

В соответствии с данной моделью, протологическое измерение ритуала означает движение к началу истории или мифологическому времени (архитектурное сооружение сопряжено с историей человечества или религиозного сообщества: первочеловеком, предками, легендарными и мифологическими персонажами, основателями религии и т. д.); психосоматическое измерение – соединение телесного и духовного, материального и идеального, человеческого и божественного, микрокосма и макрокосма (архитектурное сооружение сопряжено с теми или иными антропометрическими характеристиками святых или богов); в аксиологическом измерении ритуал – это приближение к предмету высшей ценности как норма духовного совершенствования (архитектурное сооружение при этом соотносится с ценностями человека и религиозного сообщества, с религиозной иерархией и властью, религиозными нормами поведения); наконец, эсхатологическое измерение ритуала означает приближение к концу истории – посмертному, вневременному существованию человека, религиозного сообщества и мира.

Рис. Религиозно-антропологическая модель сакрального пространства

Список литературы

1. *Бондаренко И. А.* Теория в истории архитектуры и градостроительства: Публикации разных лет. СПб. : Коло, 2017. 832 с.
2. *Буркхардт Т.* Сакральное искусство Востока и Запада. Принципы и методы. М. : Алетейя, 1999. 213 с.
3. *Давыдов И. П.* Храм и ритуал: социальные функции священного. СПб. : Изд-во РХГА, 2021. 453 с.
4. *Зубов В. П.* Труды по истории и теории архитектуры. М. : Искусствознание, 2000. 528 с.
5. *Иконников А. В.* Утопическое мышление и архитектура. М. : Архитектура-С, 2004. 400 с.
6. *Казакова В. А.* Бытие архитектуры как экзистенциальная проблема // Вопросы теории архитектуры: Архитектура в диалоге с человеком. М. : Ленанд, 2013. С. 246–259.
7. *Киселев М. С.* Трактат «Алфавит Благодетия» как памятник религиозно-антропологических представлений раннесредневековой Ирландии : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.14. М., 2021. 168 с.
8. *Корбен А.* Храм и созерцание. М. : Касталия, 2020. 392 с.
9. *Лолор Р.* Сакральная геометрия: философия и практика. М. : Изд. А. Д. Варфоломеев, 2010. 112 с.
10. *Никонов К. И.* Религиоведческие аспекты философской и теологической антропологии: опыт обзора // Вопросы религии и религиоведения. Вып. 2. Исследования. Кн. 2: Религиозная и философская антропология: история и современность. М. : МедиаПром, 2011. С. 29–65.
11. Совершенный человек. Теология и философия образа / под ред. Ш. М. Шукурова. М. : Валент, 1997. 448 с.
12. Храм земной и небесный. В 2 т. Т. 1 / под ред. Ш. М. Шукурова. М. : Прогресс-Традиция, 2004. 584 с.
13. Храм земной и небесный. В 2 т. Т. 2 / под ред. Ш. М. Шукурова. М. : Прогресс-Традиция, 2009. 608 с.
14. *Шукуров Ш. М.* Искусство и тайна. М. : Алетейя, 1999. 248 с.
15. *Шукуров Ш. М.* Искусство средневекового Ирана (Формирование принципов изобразительности). М. : Наука. Гл. ред. вост. лит., 1989. 248 с.
16. *Шукуров Ш. М.* Образ Храма. М. : Прогресс-Традиция, 2002. 496 с.
17. *Шукуров Ш. М.* Образ человека в искусстве ислама. М. : Едиториал УРСС, 2004. 160 с.
18. *Элиаде М.* Азиатская алхимия : сб. эссе. М. : Янус-К, 1998. 605 с.
19. *Элиаде М.* Избранные сочинения: Миф о вечном возвращении; Образы и символы; Священное и мирское. М. : Ладомир, 2000. 414 с.
20. *Элиаде М.* Йога. Свобода и бессмертие. К. : София, 2000. 400 с.
21. *Элиаде М.* Комментарии к Легенде о Мастере Маноле. М. : Тотенбург, 2020. 156 с.
22. *Элиаде М.* Космос и история. Избранные работы. М. : Прогресс, 1987. 312 с.
23. *Элиаде М.* Мефистофель и андрогин. СПб. : Алетейя, 1998. 374 с.
24. *Юнг К. Г.* Символы трансформации. М. : АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. 731 с.
25. *Homage to Pythagoras: Rediscovering sacred science / ed. Ch. Bamford.* New York : Lindisfarne books, 1994. 256 p.
26. *Ioan A.* The Sacred Space // Lost in space. Bucharest : New Europe College, 2003. P. 87–121.
27. *Jones L.* Architectural catalyst to contemplation // Transcending architecture. Contemporary views of sacred space. Ed. by Julio Bermudez. Washington DC : CUA Press, 2015. P. 170–207.
28. *Jones L.* The hermeneutics of sacred architecture: A reassessment of the similitude between Tula, Hidalgo and Chichen Itza, Yucatan. Part I // History of Religions. 1993. N 3 (32). P. 207–232.
29. *Kilde J. H.* Sacred power, sacred space: An introduction to Christian architecture and worship. New York : Oxford University Press, 2008. 252 p.
30. Religious architecture. Anthropological perspectives / ed. O. Verkaaik. Amsterdam : Amsterdam University Press, 2013. 213 p.
31. *Schwaller de Lubicz R. A.* The temple in man: Sacred architecture and the perfect man. New York : Inner Traditions International, 1981. 136 p.
32. *Scully V.* The earth, the temple, and the gods: Greek sacred architecture. San Antonio : Trinity University Press, 2013. 496 p.
33. *Trumbull H. C.* Threshold covenant or the beginning of religious rites. New York : Charles Scribner's sons, 1896. 336 p.

References

1. Bondarenko I.A. *Teoriya v istorii arhitektury i gradostroitel'stva: Publikacii raznyh let* [Theory in the History of Architecture and Urban Planning: Publications from Various Years]. Saint Petersburg, Kolo Publ., 2017, 832 p. (in Russian)
2. Burkkhardt T. *Sakralnoe iskusstvo Vostoka i Zapada. Principy i metody* [Sacred Art of the East and the West. Principles and Methods]. Moscow, Aleteja Publ., 1999, 213 p. (in Russian)
3. Davydov I.P. *Hram i ritual: socialnye funkcii svyashchennogo* [Temple and Ritual: Social Functions of the Sacred]. Saint Petersburg, RHGA Publ., 2021, 453 p. (in Russian)
4. Zubov V.P. *Trudy po istorii i teorii arhitektury* [Works on the History and Theory of Architecture]. Moscow, Iskusstvoznaniye Publ., 2000, 528 p. (in Russian)
5. Ikonnikov A.V. *Utopicheskoe myshlenie i arhitektura* [Utopian Thought and Architecture]. Moscow, Arhitektura-S Publ., 2004, 400 p. (in Russian)
6. Kazakova V.A. *Bytie arhitektury kak ekzistencialnaya problema* [The Genesis of Architecture as an Existential Problem]. *Voprosy teorii arhitektury: Arhitektura v dialoge s chelovekom*. Moscow, LE-NAND Publ., 2013, pp. 246–259. (in Russian)
7. Kiselev M.S. *Traktat "Alfavit Blagochestiya" kak pamyatnik religiozno-antropologicheskikh predstavlenij rannesrednevekovoj Irlandii* [Treatise "Alphabet of Piety" as a monument to the religious and anthropological conceptions of early medieval Ireland]. *Cand. sci. dis. abstr.* Moscow, 2021, 168 p. (in Russian)
8. Corbin H. *Hram i sozercanie* [Temple and Contemplation]. Moscow, Kastaliya Publ., 2020, 392 p. (in Russian)
9. Lolor R. *Sakralnaya geometriya: filosofiya i praktika* [Sacred Geometry: Philosophy and Practice]. Moscow, A.D. Varfolomeev Publ., 2010, 112 p. (in Russian)
10. Nikonov K.I. *Religiovedcheskie aspekty filosofskoj i teologicheskoy antropologii: opyt obzora* [Religious Studies Aspects of Philosophical and Theological Anthropology: A Survey Experience]. *Voprosy religii i religiovedeniya. Iss. 2. Issledovaniya. Book 2: Religioznaya i filosofskaya antropologiya: istoriya i sovremennost*. Moscow, MediaProm Publ., 2011, pp. 29–65. (in Russian)
11. Shukurov Sh.M. (ed.) *Sovershennyj chelovek. Teologiya i filosofiya obraza* [The Perfect Man. Theology and Philosophy of the Image]. Moscow, Valent Publ., 1997, 448 p. (in Russian)
12. Shukurov Sh.M. (ed.) *Hram zemnoj i nebesnyj* [The Temple of the Earthly and the Heavenly]. In 2 vol Vol. 1. Moscow, Progress-Tradiciya Publ., 2004, 584 p. (in Russian)
13. Shukurov Sh.M. (ed.) *Hram zemnoj i nebesnyj* [The Temple of the Earthly and the Heavenly]. In 2 vols. Vol. 2. Moscow, Progress-Tradiciya Publ., 2009, 608 p. (in Russian)
14. Shukurov Sh.M. *Iskusstvo i tajna* [Art and Mystery]. Moscow, Aleteja Publ., 1999, 248 p. (in Russian)
15. Shukurov Sh.M. *Iskusstvo srednevekovogo Irana (Formirovanie principov izobrazitel'nosti)* [The Art of Medieval Iran (Formation of Pictorial Principles)]. Moscow, Nauka Publ., 1989, 248 p. (in Russian)
16. Shukurov Sh. M. *Obraz Hrama* [The Image of the Temple]. Moscow, Progress-Tradiciya Publ., 2002, 496 p. (in Russian)
17. Shukurov Sh. M. *Obraz cheloveka v iskusstve islama* [The Image of Man in the Art of Islam]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2004, 160 p. (in Russian)
18. Eliade M. *Aziatskaya alhimiya* [Asian Alchemy]. A collection of essays. Moscow, YAnus-K Publ., 1998, 605 p. (in Russian)
19. Eliade M. *Izbrannye sochineniya: Mifo vechnom vozvrashchenii; Obrazy i simvoly; Svyashchennoe i mirskoe* [Selected Writings: The Myth of the Eternal Return; Images and Symbols; Sacred and Secular]. Moscow, Ladomir Publ., 2000, 414 p. (in Russian)
20. Eliade M. *Joga. Svoboda i bessmertie* [Yoga. Freedom and Immortality]. Kyiv, Sofiya Publ., 2000, 400 p. (in Russian)
21. Eliade M. *Kommentarii k Legende o Mastere Manole* [Comments on The Legend of Master Manol]. Moscow, Totenburg Publ., 2020, 156 p. (in Russian)
22. Eliade M. *Kosmos i istoriya. Izbrannye raboty* [Space and History. Selected works]. Moscow, Progress Publ., 1987, 312 p. (in Russian)
23. Eliade M. *Mefistofel i androgin* [Mephistopheles and androgyny]. Saint Petersburg, Aletejya Publ., 1998, 374 p. (in Russian)
24. Yung K.G. *Simvoly transformacii* [Transformation symbols]. Moscow, AST Publ., AST MOS-KVA Publ., 2008, 731 p. (in Russian)

25. Bamford Ch. (ed.). *Homage to Pythagoras: Rediscovering sacred science*. New York, Lindisfarne books, 1994, 256 p.
26. Ioan A. *The Sacred Space. Lost in space*. Bucharest, New Europe College, 2003, pp. 87-121.
27. Jones L. Architectural catalyst to contemplation. *Transcending architecture. Contemporary views of sacred space*. Ed. by Julio Bermudez. Washington DC, CUA Press, 2015, pp. 170-207.
28. Jones L. The hermeneutics of sacred architecture: A reassessment of the similitude between Tula, Hidalgo and Chichen Itza, Yucatan. Part I. *History of Religions*, 1993, no. 3 (32), pp. 207-232.
29. Kilde J. H. *Sacred power, sacred space: An introduction to Christian architecture and worship*. New York: Oxford University Press, 2008, 252 p.
30. Verkaaik O. (ed.). *Religious architecture. Anthropological perspectives*. Amsterdam, Amsterdam University Press, 2013, 213 p.
31. Schwaller de Lubicz R.A. *The temple in man: Sacred architecture and the perfect man*. New York, Inner Traditions International, 1981, 136 p.
32. Scully V. *The earth, the temple, and the gods: Greek sacred architecture*. San Antonio, Trinity University Press, 2013, 496 p.
33. Trumbull H.C. *Threshold covenant or the beginning of religious rites*. New York, Charles Scribner's sons, 1896, 336 p.

Сведения об авторе

Бегчин Денис Александрович
аспирант, кафедра философии религии и
религиоведения
Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
Российская Федерация, 119991, г. Москва,
ГСП-1, Ломоносовский проспект, 27, корп. 4
e-mail: begdengm@gmail.com
ORCID: 0000-0003-0772-002X

Information about the author

Begchin Denis Aleksandrovich
Postgraduate, Department of Philosophy of
Religion and Religious Studies
Lomonosov Moscow State University
GSP-1, 27-4, Lomonosov av., Moscow, 119991,
Russian Federation
e-mail: begdengm@gmail.com
ORCID: 0000-0003-0772-002X